

Глава 15. Смятение

Слабый, размером с горчичное зерно, огонёк лампы едва рассеивал полумрак. В доме притаились двое, но на промасленной бумаге окна застыл лишь один силуэт.

— И что же нам написать?

Сунь Цинфэн держал руку Цзинь Линьэра в своей, мягко направляя кисть. Он обмакнул её в тушь и аккуратно расправил мягкий козий ворс о край чернильного камня. Напитавшийся кончик округлился, источая едва уловимый травянистый аромат. Голос мужчины звучал непривычно тихо — ласково, точно скользящий по бумаге ворс.

Линьэр раскрыл книгу на нужной странице.

— В эти дни я переписываю «Вэньдалу» — «Записи наставлений».

— «Изначальный разум чист от добра и зла. Движение помыслов порождает добро и зло. Знание добра и зла есть истинная совесть. Творение добра и искоренение зла есть постижение сути вещей», — Сунь Цинфэн выводил иероглиф за иероглифом, вполголоса читая написанное. Дойдя до конца, он вдруг отложил кисть и фыркнул: — Ерунда какая-то.

— А учитель говорит, что эти мысли на редкость глубоки, — возразил Линьэр.

— Глубоки? — хмыкнул Сунь Цинфэн. — Если сам разум пуст, откуда тогда берутся помыслы о добре и зле? Откуда берётся их знание? Все семена праведного и скверного изначально сокрыты в нашем сознании — в самой глубине души, в алайя-виджняне. Сердце человеческое уже рождается с ними, и весь выбор сводится к тому, совершать поступок или нет. А тот, у кого в душе нет ни зла, ни добра — вовсе не человек.

Линьэр согласно кивнул:

— Добро и зло должны быть разделены. Чётко и ясно.

Заметив, что мальчик задумчиво уставился на дрожащий фитиль лампы, Сунь Цинфэн смягчился. Решив, что заговорил слишком резко и расстроил приёмыша, он добавил:

— Я лишь рассуждаю вслух, а не браню тебя.

— Да нет же, я вовсе не обиделся. Просто вдруг кое-что понял, — Линьэр встрепенулся и с улыбкой потянул Сунь Цинфэна за ухо. Мужчина тут же мотнул головой, сбрасывая его ладонь.

Мальчик по-прежнему сидел у него на коленях. Повернувшись вполоборота, он заглянул опекуну в лицо. В его тёмных, как безлунная ночь, глазах отражались золотые искры пламени.

— Моё самосовершенствование на крови... Пусть даже я делаю это ради благой цели, само деяние всё равно остаётся греховным. Раньше я ужасно боялся: думал, раз пью кровь, то непременно попаду в преисподнюю, и на душе от этого было горько и обидно. А теперь мне стало легко. Какими бы благородными ни были помыслы, злодеяние остаётся злодеянием, и сокрушаться тут не о чем. Если бы мне снова пришлось выбирать, я бы всё равно пил кровь. Зато пред собственной совестью я буду чист.

— Поступай так, чтобы не идти против долга и совести, — Сунь Цинфэн мягко покачал головой и усмехнулся. — А что болтают вокруг — пустое. Главное, что о твоих делах знаю я и видят небеса. Хотя... много ли ты смыслишь? Мал ещё рассуждать о таких вещах, ни черта в этой жизни не понимаешь.

— Может, и не понимаю, — тихо ответил Линьэр. — Но знаю одно: если в преисподней окажешься ты, то и ад мне будет в радость.

— Тоже мне, грозный Глава Дьявольского культа, а геенны огненной испугался! — У Сунь Цинфэна перехватило дыхание. Он на мгновение замер, а затем, шутливо фыркнув, кончиком кисти нарисовал на щеке мальчика крошечную черепаху. — Впрочем, из всех шести поколений Глав культа ты у нас самый пугливый — чистый черепашонок. А черепахи, как известно, живут долго. Так что чертям тебя ждать ещё очень и очень долго.

Осень подкралась незаметно. Землю сушила затяжная засуха, дождей не было неделями, и крестьянские наделы приносили скудный урожай.

Сунь Цинфэн с рассвета уходил в лесную глушь на охоту и возвращался лишь в глубоких сумерках.

Линьэр жил своей обычной жизнью: ходил на занятия в школу, играл с деревенской детворой. Пожалуй, единственным изменением в нём был стремительный рост духовных сил.

Но плата за это оказалась высока. Промежутки между ритуалами питья крови сократились с пяти дней до четырёх, да и объём вырос — теперь ему требовалось уже не четыре мерки крови, а все пять.

Обычно Линьэр старался не пить кровь на глазах у опекуна. Но как-то раз, в спешке уходя из дома, он позабыл вымыть глиняную пиалу.

Вернувшись ночью, Сунь Цинфэн наткнулся на посуду с бурыми разводами на дне. По количеству засохших капель он сразу понял, что жажда Линьэра усилилась. На следующий же день он строго-настрого велел мальчику не увеличивать порции крови, а попытаться перетерпеть и совладать со звериным голодом собственными силами.

Линьэр беспрекословно доверял опекуну. Он послушно сдерживал порывы, и, к его удивлению, Сунь Цинфэн действительно не замечал в поведении мальчика никаких тревожных признаков. Линьэр вздохнул с облегчением, втайне восхищаясь стойкостью и силой воли своего названного отца.

Поскольку Сунь Цинфэн пропадал на охоте целыми днями и найти его в лесной чаще было делом безнадёжным, Линьэр после уроков обычно убегал с однокашниками к реке Сунцзян.

Плавать он так и не научился, поэтому просто сидел на берегу, опустив ноги в воду и лениво болтая ими.

Остальные мальчишки, сбросив одежду, с весёлым гиканьем гурьбой прыгали в воду.

Повернув голову, Линьэр заметил, что самый рослый из них и лучший пловец во всей компании, Братец Мин, тоже сидит на берегу и не спешит раздеваться. Ему стало любопытно. Подвинувшись ближе, он спросил:

— Братец Мин, ты чего? Приболел?

Тот слегка покраснел, помялся и лишь тогда неохотно выдавил:

— На том берегу бабы бельё стирают. А вы тут нагишом скачете, совсем стыд потеряли.

Линьэр прыснул от смеха:

— Да какие там бабы? Пожилые тётушки, тебе в матери годятся! Чего тут стесняться? Ты за последние полмесяца сам не свой стал. Точно не захворал?

Мальчишки в воде тут же загоготали:

— Наш Братец Мин бережёт девичью честь для будущей суженой!

Линьэр округлил глаза от изумления:

— Что, у Братца Мина уже и невеста есть?

Ребята выбрались на отмель и, заговорщицки понизив голоса, обступили его:

— Сунь Линь, ты что, совсем дремучий? Триста лет назад на снежных равнинах Байхая разверзлась бездна, открыв тварям из мира демонов проход в наши земли. Полчища чудовищ хлынули к людям, всё предали огню и мечу, отчего прежняя династия и пала. Чтобы вернуть

народу былую силу и заполнить опустевшие земли новыми жизнями, Государство Юн изменило древние законы. Теперь юношам дозволено жениться с шестнадцати лет, а девицам выходить замуж — с пятнадцати.

— Ну, это-то я знаю, — буркнул Линьэр.

Один из мальчишек ехидно ухмыльнулся:

— Тебе ведь уже пятнадцать, Сунь Линь. Неужто ни разу не задумывался о девках?

Линьэр действительно никогда не размышлял о подобных вещах. Он мгновенно покраснел и смущённо пробормотал:

— На кой мне жена, если у меня есть отец? Разве какая-то женщина может быть лучше него?

Ребята так и покатались со смеху:

— Ну ты и чудной! Если бы твой отец в своё время не женился, откуда бы взялся ты сам?

— Моя матушка говорила, что детей просто вылавливают из реки, — упрямо отрезал Линьэр.

Братец Мин рассмеялся пуще прежнего:

— Да матушка твоя просто подшутила над тобой! Чтобы двое людей разделили одну судьбу, им первым делом нужно сыграть свадьбу. Только тогда женщина понесёт и подарит мужу дитя.

У Линьэра мысли всегда текли по какому-то своему, неведомому остальным руслу.

Пока друзья вели речь о союзе мужчины и женщины, в его голове крутился исключительно один образ — его собственный и Сунь Цинфэна. Немного подумав, он спросил:

— А если двое не женятся и не заводят детей... они что, не могут быть вместе?

— Разумеется, нет, — авторитетно заявил Братец Мин. — С какой стати чужим друг другу людям жить под одной крышей без роду и племени? Без родительского благословения и сватовства любой такой союз считается постыдным блудом. Если уличат — забьют в свиную клетку и утопят в реке.

Линьэр вырос подле матери, но Сюэ Линъюнь ушла слишком рано, не успев поведать сыну о тайнствах взрослой жизни. Чжао Шо, холодный и высокомерный, никогда не снисходил до душевных бесед. А уж суровый Сунь Цинфэн и подавно обходил стороной темы плотской

любви.

Сгорая от любопытства, мальчик принялся засыпать Братца Мина вопросами. Ответы заставили его зардеться так сильно, что он, казалось, вот-вот брызнет кровью.

Вечером Линьэр вернулся домой сам не свой, в его мыслях царил полный сумбур.

Около десяти часов вечера Сунь Цинфэн закончил созерцание и открыл глаза. Первым, что он увидел, было лицо Линьэра, замершего в полушаге от него.

— Чего уставился? — недовольно буркнул мужчина.

Линьэр, силясь скрыть волнение, поспешно протянул опекуну пиалу с тёплым отваром. Наконец, не выдержав, он тихо спросил:

— Старший Сунь... а мы с тобой можем завести ребёнка?

Сунь Цинфэн, как раз сделавший приличный глоток, поперхнулся и брызнул чаем.

— Да что за чушь тебе в голову лезет?! — в ярости прикрикнул он.

Мальчик виновато опустил голову и принялся неловко перебирать пальцами:

— Ну... ты и я.

Линьэр упрямо качнул головой. Вид у него был предельно серьёзный:

— Ребята на реке говорили, что в шестнадцать лет каждый мужчина обязан взять жену. Понятно, что ты человек необычный и мирские законы тебе не указ. Но я-то вырасту. И жениться на чужой девчонке я не хочу, я хочу быть только с тобой. Но ведь мы друг другу даже не кровные родственники. Чтобы и дальше жить вместе, нам нужно сыграть свадьбу... или хотя бы завести ребёнка. Ты ведь вырастил меня, значит, и со вторым как-нибудь справишься.

— Мужчина с мужчиной детей не заводят! — Сунь Цинфэн за свою долгую жизнь наслушался от этого мальчишки всяких странностей, но столь дикая мысль прозвучала впервые. Он был потрясён. — И уж тем более не женятся! Слыханное ли дело? Мужеложство — это смертный грех, попирающий все законы природы! Да и к тому же я тебе отец!

— Но ты ведь Старший Сунь, а вовсе не мой отец, — резонно возразил Линьэр.

Сунь Цинфэн сжал кулаки, не зная, что ответить на такую обезоруживающую прямоту.

— Ты сперва выслушай, — настаивал Линьэр. — Свадьбы испокон веков играют по воле родителей и сговору свах. У нас с тобой родителей не осталось. Если мы поладим друг с другом и найдём толкового посредника, почему бы нам не пожениться? Все говорят: чужие люди могут законно оставаться вместе, только если свяжут себя узами брака.

Сунь Цинфэн почувствовал, как у него закипает кровь.

— Я сказал «нет» — значит «нет»! Эта содомская мерзость противна самому небу!

— Моя матушка была дочерью главы праведной школы Хуашань, а отец — Главой Дьявольского культа, — не уступал Линьэр. — Весь мир твердил, что добро и зло не могут сойтись, а их брак — преступление перед небесами. Но матушка всегда говорила: если чувства искренни, плевать на чужие толки. Она отеклась от деда лишь для того, чтобы уберечь школу Хуашань от гнева праведников. Да, её терзала вина, но она ни разу не пожалела о своём выборе. Неужели наши с тобой чувства хуже?

Сунь Цинфэн никогда не отличался красноречием, и теперь, загнанный в тупик детской логикой, решительно не знал, что возразить.

Линьэр, почуяв его замешательство, тут же нанёс решающий удар:

— К тому же ты сам давеча учил меня: поступай так, чтобы не идти против долга и совести. Разве то, что мы будем вместе, вредит кому-то или очерняет наши души?

Сунь Цинфэн мысленно проклял тот час, когда решил пофилософствовать за переписыванием трактата. Ну дёрнул же чёрт за язык! Сделав глубокий вдох, он попытался унять дрожь в голосе и заговорил как можно мягче:

— Чувства в этом мире бывают разными, глупый ты мальчишка. Есть любовь между мужчиной и женщиной, есть родственная привязанность отца и сына, есть верность боевых товарищей. Нас с тобой связывают последние два чувства, но первому между нами места нет и быть не может. Ты ещё совсем дитя и ничего не смыслишь. Вот встретишь славную девушку, и сам поймёшь, какую нелепицу молол сегодня.

— Тебе уже больше двухсот лет, а ты так и не встретил свою «славную девушку», — резонно подметил Линьэр. — И разве был в твоей жизни хоть кто-то, к кому ты относился бы так же тепло, как ко мне?

Этот вопрос застал Сунь Цинфэна врасплох. Понимая, что спор заходит куда-то не туда и безумные фантазии мальчишки нужно пресечь раз и навсегда, он выпалил первое, что пришло на ум:

— Я когда-то держал собаку. Так вот, с ней мы ладили куда лучше!

Линьэр бросился на кровать и, накрывшись с головой одеялом, горько разрыдался.

На самом деле он понятия не имел ни о плотском влечении, ни о содомском грехе — его сердце ещё дремало. И плакал он вовсе не от обиды, что уступил в преданности какому-то псу. Мальчика ранило осознание: раз им нельзя пожениться, значит, рано или поздно их дороги разойдутся.

Но пуще всего его терзал непреодолимый страх. Что, если люди прознают, что они друг другу не родные? Тогда его названного отца непременно выволокут на площадь, заколотят в свиную клеть и сбросят в реку!

Откуда Сунь Цинфэну было знать, что приёмьш оплакивает его несостоявшуюся казнь в свиной клетке? Опекун лишь тяжело вздохнул, чувствуя, как голова раскалывается от этой нелепой беседы. Решив больше не пускаться в бесплодные споры, он строго бросил:

— Держись подальше от этих деревенских шалопаев, и чтобы больше я подобных глупостей не слышал!

Из-под одеяла донёлся приглушённый, но пугающе решительный голос:

— Хорошо. Я ещё подумаю, как нам быть.

Сунь Цинфэн лишь покачал головой, списав всё на детское упрямство. Однако с того памятного вечера он невольно стал присматриваться к местным девицам, раздумывая, не пора ли подыскать Линьэру невесту.

Вот только сколько бы он ни наблюдал, ни одна из них не казалась ему достаточно хорошей. Те, что покрасивее, были ленивы, трудолюбивые грешили скверным нравом, а иные и вовсе казались глупыми. Ну какая из них достойна его мальчика, которого он взрастил собственными руками?

Да и к тому же Линьэру необходимо пить кровь для поддержания сил. Много ли на свете таких удивительных женщин, как покойная Сюэ Линъюнь, способных отречься от предрассудков ради любимого? А ну как будущая жена окажется сварливой бабой и примется попрекать мужа его жуткой тайной? Не вмешиваться же тогда Сунь Цинфэну в их семейные дразги, не бить же ему, в самом деле, женщину?

В конце концов, устав от бесплодных размышлений, он решил пустить всё на самотёк — судьба сама управит.

Единственное, на чём он твёрдо сошёлся с самим собой: когда Линьэр подрастёт и найдёт ту самую единственную, он просто тихо уйдёт в тень. Но уйдёт недалеко — поселится где-нибудь по соседству, чтобы в случае чего всегда успеть на помощь.

Ну а если хорошей доли мальчику не найдётся, то и не нужно неволить. В крайнем случае они всегда могут постричься в монахи или уйти в даосские отшельники и коротать вечность вдвоём, предаваясь совместному самосовершенствованию.

Пока Сунь Цинфэн строил планы на далёкое будущее, Линьэр изнывал от тревоги. Ему поведение опекуна после того разговора стало в высшей степени подозрительным. Мужчина то и дело бесцельно бродил по улочкам городка, но он видел: взгляд Старшего Суня раз за разом задерживался на проходящих мимо девицах.

«Неужто Старший Сунь сам решил жениться? — с ужасом думал мальчик. — А если у него появятся собственные дети, он ведь совсем про меня позабудет!»

От этих мыслей на душу наваливалась беспросветная тоска. Сжимая в руках пиалу с тёплой кровью, Линьэр пил и плакал, содрогаясь от беззвучных рыданий, пока не заикался. В какой-то момент он поперхнулся и выплюнул глоток, заливая тёмными каплями ворот рубахи.

Кровь больше не лезла в горло. Обессилев, Линьэр опустился прямо на глиняный пол и принялся вяло разгонять ци по меридианам, лишь бы поскорее закончить с опостылевшим ритуалом.

За стеной не умолкая надрывался соседский пёс. Из-за засухи хозяева, верно, и сами сидели впроголодь, так что бедному животному перепали лишь редкие объедки.

С тех пор как Линьэр узнал, что ценится меньше какой-то там собаки, он проникся глухой ненавистью ко всему собачьему роду в округе.

Этот невыносимый лай окончательно вывел его из себя. Схватив миску с варёным рисом, мальчик демонстративно уселся прямо перед калиткой соседа и принялся уплетать еду на глазах у голодного пса.

Соседский кобель исходил слюной и лаял всё яростнее. Линьэр, распаляясь от злости, в конце концов не выдержал и прикрикнул на животное:

— Ну и чего ты надрываешься? Скажи мне, что в тебе такого особенного, а? Чем ты лучше меня?!

Пёс, видя желанную миску, но не имея возможности до неё добраться, зашёлся в отчаянном хрипе:

— А-а-аву-у-у! Гав! Гав!